

Научные онтологии: падение иерархии

Статья посвящена современной научной методологии, согласно которой онтологический статус субъектов, предметов и условий их изучения находится на одном уровне. Плоская онтологическая модель делает эмпирический мир равноправным актантом единого жизненного и эпистемологического пространства. Работа реализует первичную критику т. н. «спекулятивного реализма». Авторы анализируют тесную связь между научным и техническим.

Ключевые слова: наука; научные онтологии; «целое-части»; акторы; техническое; природа вещи.

В современной науке намечается своеобразная тенденция к «падению иерархий». Сам термин «падение иерархий» еще не закреплен строго формально, но смысл его в том, что в науке существует тенденция к нивелированию разных уровней онтологий. В задачу данной статьи входит рассмотрение следствий, которые могут вытекать из такого рода нивелирования.

В современных научных онтологиях можно выделить две направленности: «плоские онтологии» Мануэля Деланда и акторно-сетевая теория, берущая свое основание в рассуждениях Бруно Латура. Несмотря на значительную разницу данных онтологических моделей, тем не менее между ними есть общее, что позволяет говорить о взаимной дополнительности идей. Общее в этих онтологиях то, что они действительны только в рамках эмпирического мира. Как известно, И. Кант в «Критике чистого разума» задает границы научному познанию, это – эмпирический опыт. Всё, что находится в пределах опыта, – может быть предметом научного интереса; всё, что выходит за пределы эмпирического опыта, в сферу науки не попадает. Знание, которое невозможно верифицировать, например о Боге, о бессмертии души, предполагает другие основания для своего существования.

Кроме того, научные онтологии связаны с техническим. Когда ставится философский вопрос о технике, логика рассуждений выстраивается обычно «от техники». Техника – это то, что делает человечество сильнее, быстрее, умнее. Техника самодостаточна, всякий подросток может пользоваться техническими предметами наравне со взрослыми, техника доступна и соразмерна человеку. В этих рассуждениях мы уподобляемся тому врачу-горемыке, который знает наизусть все лекарства и способ их действия, но совершенно не понимает природу болезней, которые эти лекарства лечат. И потому, зная точно, что фталазол избавляет от кишечного расстройства, а церукал – от рвоты, этот горе-целитель выписывает лекарства своим доверчивым пациентам без учета настоящего диагноза. Имея дело, например, с Apple iPhone XS Max, мы считаем, что имеем дело с самодостаточным предметом. Перед нами готовая идея, технология, вещь. Не понимая природы техники, мы используем ее как средство. Но техника – это не средство. На самом деле техника – это проявление научной онтологии.

---

* Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: shcreibigus@mail.ru

** Леонид Сергеевич Чернов, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии и политологии, УИУ (филиал) РАНХиГС (г. Екатеринбург).

E-mail: leon-chernov@yandex.ru

* * *

Есть известная сказка В. Окоевского про городок Динь-Динь, находящийся в табакерке [7]. Городок в табакерке подарил мальчику Мише папа. Из табакерки раздавалась мелодия, мальчик ее слушал, она завораживала, как все волшебное, и у Миши, как у классического ученого, возникла идея, что, возможно, если посмотреть на то, как табакерка устроена внутри, он поймет, откуда берется музыка. Отец предупреждает Мишу, что в табакерке спрятана пружинка, которую трогать нельзя, иначе все разрушится. Отец символизирует Бога, он знает строение мира/табакерки, он сразу предупреждает о главном – в мире все устроено правильно и давить ни на что не надо, изломается! Мальчик достаточно легко попадает в городок, поскольку основной закон этого мира прост: «Вдали все кажется маленьким, а подойдешь – большое». Миша легко проходит сквозь любые двери, когда подходит к ним вплотную. Автор сказки нащупал важный научный гносеологический принцип: чем ближе человек подходит к проблеме, тем дверь, которая даст решение проблемы и выведет в новый мир, становится всё больше и, в итоге, доступ в иное измерение становится самоочевидным фактом. Мир изначально дан человеку как «шкатулка с секретом», которая, возможно, и не привлекла бы к себе внимания человека, если бы не музыка.

* * *

Наука похожа на сказку, она так же занимается преобразованием мира и человека, но использует для этого силы естественные, а не сказочные. Как же построена научная сказка, как выглядят пружины мира, который наука описывает?

Целое на равных со своими частями

Как известно, целое больше части, причем целое несводимо к сумме элементов, его составляющих. В этом смысле целое предполагает эмерджентность, то есть совокупность свойств, не выводимых из свойства составляющих его структурных единиц. Эта формально-логическая концепция традиционно предполагает внутреннюю иерархию «целое *больше* своих частей, поэтому к ним не сводится». Мы можем взять, к примеру, человеческий организм, состоящий из различных органов, которые, в свою очередь, состоят из тканей, построенных специфическими клетками. Жизнь человеческого организма несводима к функциям его органов. Но если классическая модель сводит зависимость и подчинение функций органов задачам целого организма, то «подход в терминах взаимодействующих частей и эмерджентного целого приводит к плоской онтологии, образованной уникальными, сингулярными индивидуальными сущими, отличающимися друг от друга своим пространственно-временным масштабом, а не онтологическим статусом» [2, с. 39]. Пространственно-временной масштаб отдельных органов/частей предполагает неодинаковость исторического развития в рамках единого целого и реакцию этого целого на дефекты/болезни/отклонения. Разнообразие исторической жизни и специфики этой жизни каждого отдельного органа позволяют утверждать, что организм – это не только самодовлеющая целостность, но, скорее, некая общность интересов и взаимосвязей. Отдельный орган, его «личная жизнь», может подчинить себе целое организма, а также может судьбу этого «целого» решить. Известно, что в ядрах клеток одного и того же организма находится одна и та же информационная молекула ДНК, а клетки, тем не менее, отличаются по спецификации. На каком уровне идет управление организмом – на уровне ДНК клеток или на уровне целостного взаимодействия/ансамбля всех структурных компонентов?

И в этом смысле целое не больше суммы частей, а равноправный партнер каждой из своих составляющих единиц. Такие целостности могут обладать полноценными признаками индивидуальности и взаимодействовать с другим индивидуальным «на равных». Эти агрегаты/виды/индивиды отличаются от виртуальных

классов и типов сущего, которые не имеют однозначного эмпирического референта. Например, популяция бурых медведей на определенном ареале в определенное время – это живая целостность, это, по М. Деланда, – вид (целое), обладающий единым генофондом, исторически развивающийся в определенном направлении. Индивидуальными признаками обладает и семья, имеющая детей и внуков, то есть поколение, связанное биологически и исторически. Как самостоятельного индивида можно рассматривать конкретный живой город, например Екатеринбург, с его пространственно-временными особенностями, климатом, традициями, менталитетом жителей, административными органами и рынками. Всякий человек в этом городе – живое энергетическое ядро, формирующее акценты, как ниточка в общем узоре вышивки. Целое города соткано из разных судеб, их столкновений не только в индивидуальных взаимоотношениях, но и во взаимодействии конкретной личности и локальных целостностей типа супермаркетов, развлекательных центров, транспорта, библиотек и площадей. «Одним из преимуществ плоской онтологии индивидуальных сущих является то, что все различные социальные акторы, индивиды, институты, города и т. д. могут рассматриваться как сосуществующие в одном онтологическом плане и тем самым способные взаимодействовать друг с другом несмотря на то, что каждый подчинен собственному историческому ритму» [2, с. 51–52].

Онтологический статус сущего становится одинаковым, будь то уровень клетки, живого организма, личности, города, биосферы. Естественно спросить: как это новое целое связано? Техническое мировосприятие операционально, вся глубина опыта взаимодействующих объектов глубоко спрятана в их внутреннюю сложность, и, как следствие, мы видим технически плоский мир. Это не только мир технологий, созданных человеком, это и скрытая эмерджентная «механика» природы. Механика живого организма, которая позволяет вставлять в себя линзы, протезы, эластичные синтетические сосуды, импланты, употреблять генномодифицированные лекарства и продукты питания. Человек зарождается в ходе химических реакций, развивается как агрегат клеток, формируется как личность, участвует в жизни города, общины, влияет своим существованием на состояние биосферы и позволяет себе думать о том, что произошел от обезьяны. Если мы берем жизнь как целостность, которая на равных включает в себя бесконечное количество объектов, как живых, так и умерших, то с этой целостностью вполне реально входить во взаимоотношения через, хотя бы, простое чувство соприсутствия в ней. В этих плоских онтологиях человек уравнивается с вещами, с которыми он может взаимодействовать «на равных».

После философии И. Канта взаимодействовать с вещами было очень сложно, учитывая барьер, который ставили явления в познании мира. Познаваемы только явления, причем только исходя из возможностей, заложенных в структуре чувственности и априорных способностей рассудка. Все надо делать осторожно, с оглядкой на собственные возможности. «Вещь-в-себе» находилась в отношении познающего субъекта в качестве недостижимой мечты: существование ее очевидно, но достичь ее невозможно. И в этом смысле равноправный диалог между «вещью-в-себе» и субъектом познания был невозможен.

Обратимся к классическим представлениям о потенциальной и актуальной бесконечности. Полагание потенциальной бесконечности всегда предполагает движение как преодоление предела, это выход за установленную границу. В этом смысле полагание теоретических моделей, появляющихся в результате абстрагирования от эмпирических данных, – это выход в новую идеальную реальность через преодоление границы эмпирического. Актуальная бесконечность предполагает совсем иную логику, в ней полагается некоторое целое, состоящее из бесконечного количества конечных элементов. Конкретным примером может служить

жизнь. Жизнь, которая, по сути, представлена бесконечным количеством конечных проявлений, содержащая в качестве своего диалектического иного смерть, вполне претендует на целостность. Жизнь ничем не ограничена, смерть находится внутри нее как частный случай, коль скоро умершим может быть только то, что когда-то было живо. Жизнь есть тотальность, целостность, и понятие границы в отношении бесконечных предметов становится бессмысленным. Спрашивается, вступаем ли мы с ней во взаимодействие? Еще бы, мы часть ее существа, она проявляется через нас, через того веселого воробья и через каждый лист березы, на которой он сидит! И целостность эта – жизнь – не есть абстракция, умственное парение над всем живущим и страдающим, – это непосредственная реальность бытия, которая переживается коллективно. Конечно, здесь взята самая актуальная целостность мира. Мы можем взять и другую целостность, которая так же бесконечна, даже несмотря на научно поставленную и якобы объективную границу сущего. Здесь имеется ввиду целостность – существование. Одна незадача: ученые считают, что Вселенной всего 13,72 миллиарда лет. Какая уж тут бесконечность, если есть ограниченность во времени! Все мы когда-то родились, даже Вселенная. И тем не менее, даже если мы ограничены во времени – это не главное, главное, что мы современники этому миру, и потому мы с этим миром целое. И эта целостность вполне достойное условие, чтобы индивида совместить в диалоге с камнем, барельефом Гермеса в славном городе Мира, а также любимым будущим проектом или воспоминанием о прошлом. Существование уравнивает все модусы времени: дом за окном 1970 года постройки совместим со светом Солнца, дошедшим до этого дома за 8 минут 20 секунд, и с человеком, который спит в этом доме и которому снится корзина с яблоками. Время в такой тотальности не тематизируется.

Акторы

Традиционная метафизика отдавала активность субъекту, в то время как объект оказывался лишь сферой влияния. Но еще со времен античной философии было замечено, что природа предмета, на которую воздействует мастер, оказывает ограничивающие и направляющие свойства на того, кто ею занимается. Следовательно, так называемый пассивный объект не так уж пассивен, если оказывает сопротивление, и подходить к нему надо «с умом». Активность объекта может проявляться хотя бы в том, что объект может просто «не проголосовать»: ключ не открывает дверь, лекарство не подействует в лечении болезни, человек не захочет слушать. Г. Зиммель говорит об интенциональности объектов: дверь предписывает нам, где возможен выход, окно обязывает нас через него смотреть, лифт определяет, как мы попадем на 8-й этаж [3, с. 146]. Вещи созидают, концептуализируют реальность так же, как люди. Мы живем в мире вещей, вещи окружают нас повсюду, они создают определенный порядок нашей жизни, и потому они, безусловно, активны в нашей жизни, они являются ее реальными участниками.

Мост между небоскребами позволяет нам пройти из одного здания в другое, не попадая на улицу; мост соединяет два здания для нашего передвижения и разъединяет нас с улицей. Направленность человеческих потоков, дисциплина, которую организуют «не-человеки», хорошо видна на примере конвейера метро. Как будто у людей есть выбор, как им двигаться внутри подземки! Техническое во многом определяет социальное по принципу: ты меня породил, а теперь я тобой руковожу. «Задумайся о вещах – и придешь к людям. Задумайся о людях – и самым этим фактом уже окажешься заинтересованным вещами. Стоит положить глаз на твердые неизменные вещи, и они становятся мягкими, гибкими, человеческими. Обрати взгляд на людей – и наблюдай, как они превращаются в электрические цепи, автоматические устройства, программный код. Мы даже не можем четко определить, что делает одних людьми, других – техникой, однако мы не

можем точно задокументировать их модификации и замещения, их перестроения и союзы, делегирования и репрезентации» [6, с. 169].

Активность вещей хорошо заметна по старой любимой музыке, которую мы переслушиваем и которая может побудить сделать нас определенный поступок; потерянная вещь может долго нас мучить, потому что мы привязаны к ней, и она для нас память о дорогом и близком; наличие денег может открыть нам новую возможность. И потому «вещи должны получить свободу от социального, они больше не являются пассивным экраном, на который проецируются социальные смыслы, не служат подручными инструментами социальных фактов, не выступают видимым, но молчаливым свидетельством незримого социального порядка. Они должны анализироваться как условия возможности этого порядка» [1, с. 35].

Любой полюс активности, в том числе материальные объекты, можно определить как *актора*. Ключевая характеристика актора – *способность оказывать влияние*. Отсюда следует, что мы можем наделять агентностью не только людей. Мир конституирован не одними людьми. Предполагается, что все можно рассматривать как агентов, вступающих во взаимодействие/диалог/конфликт/связь. Возникает единая онтологическая плоскость. Каждый агент в процессе взаимодействия с другим агентом проявляет свою сущность и становится в этом взаимодействии определенным, проявляется. То, что было иерархизировано и собственно разнесено по разные стороны бытия, способно к взаимодействию. Во взаимодействии определяется статус агентов. Примером материального активного агента может быть планета Земля, с ее явным гравитационным притяжением, в которое попадают и которому подчинены все материальные объекты. Гравитационная сила Земли предписывает человеку учитывать ее. Природа так же активна, как и дух.

Связь: как взаимодействуют акторы в одной плоскости, если они гетерогенны?

Модель отношений и состояний акторов можно назвать «технической» в том смысле, что актор, согласно своей природе, предполагает определенный набор свойств: они множественны, но, тем не менее, определены. Если вспомнить систему химических элементов, то мы получим достаточно интересный и разнообразный мир, который в реальности представлен как непрерывное взаимодействие этих элементов. При всем многообразии свойств химических элементов, которое порождает многообразие связей и отношений, определенность природы химических элементов тем не менее не вызывает сомнения. Связь акторов в плоских онтологиях механизирована, и потому это, безусловно, технология, в которой люди, вещи, климат и мифология равнозначны. Каждый взаимодействующий актор имеет свою природу.

Понятие «природа» употребляется в двух разных значениях: с одной стороны, под природой мы понимаем окружающий нас физический мир, который не создан человеком и происхождение которого загадочно. Природа в таком понимании – это не культура, культура – это то, что создано человеком. Мы говорим, что «выезжаем на природу», имея в виду принципиальную искусственность городов. Есть и другое понимание термина «природа», когда мы указываем на специфическую особенность или индивидуальность предмета, с которым имеем дело, мы говорим «природа вещи» или, например, «природа человека». С одной стороны, понятие «природа вещи» кажется метафорой, под которой может усматриваться любой смысл, но, с другой стороны, понятно, что природа вещи – это не просто то, что делает вещь уникальной, это еще и то, что сопротивляется влиянию извне. Например, природа дерева позволяет сделать из него лодку или дом, а природа ртути таких вещей создать не позволяет. Природа вещи – это то, что необходимо учитывать при взаимодействии с объектом. Иначе никакого взаимодействия не будет. Диалог без учета природы невозможен. «Логика тут простая, как при строительстве дамбы. Инженеру, проектирующему дамбу, было бы глупо надеяться, что

вода будет подчиняться его желаниям, например благочинно удерживаться от разливов или течь снизу вверх. Наоборот, всякий инженер должен исходить из того, что если у воды есть возможность куда-то просочиться, она это сделает» [5, с. 102]. Так же и с людьми...

Платон в «Федре» рассуждает о том, кто может быть хорошим врачом или хорошим оратором. Оказывается, что «в искусстве врачевания те же самые приемы, что и в искусстве красноречия. И тут и там нужно разобраться в природе, в одном случае – тела, в другом – души, если ты намерен пользоваться не навыком и опытом, а искусством...» [8, с. 317]. Искусство (технэ) – это возможность влиять на предмет, основанная не на случайном знании алгоритмов, а на понимании природы того, на что ты хочешь влиять. Ведь именно душу оратор хочет убедить в чем-либо, и именно тело врач хочет вылечить. Что будет, рассуждает Платон, ссылаясь на Сократа, если мы будем лечить людей бездумно, просто зная некоторые свойства лекарств, например вызвать понос или рвоту, будет ли бездумное применение этих лекарств лечением? Так и с ораторским искусством. Оратор хочет вызвать в душе слушателей изменения, для этого надо знать природу души слушателя и подобрать согласно этой природе речь. «Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, они такие-то и такие-то. Таких-то слушателей по такой-то причине легко убедить в том-то и том-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению. Кто достаточно все это продумал, тот затем наблюдает, как это осуществляется и применяется на деле, причем он должен уметь остро воспринимать и прослеживать, иначе он не прибавит ничего к тому, что он еще раньше слышал, изучая красноречие. Когда же он будет способен определить, какими речами и какой человек даст себя убедить, тогда при встрече с таким человеком он сможет распознать его и дать себе отчет, что вот как раз *тот человек и та природа*, о котором прежде шла речь. Теперь она (*природа*) на самом деле предстала перед ним, и к ней вот так надо применить такие-то речи, чтобы убедить ее в чем-то. Сообразив все это, он должен учесть время, когда ему удобнее говорить, а когда и воздержаться: все изученные им виды речей – сжатую речь, или жалостливую, или возбуждающую, – ему надо применить вовремя и кстати: только тогда, и никак не ранее, его искусство будет разработано прекрасно и совершенно» [8, с. 318–319]. Оказывается: во-первых, для того, чтобы иметь влияние на любой предмет, необходимо знать/разбираться в его природе; во-вторых, искусство (технэ) привносит в предмет влияния истину, проясняет/просветляет предмет; в-третьих, искусным человеком (оратором, врачом) может быть не любой человек, а тот, у которого есть природные задатки к этому, т. е. он во взаимодействии с другими людьми развивает свою природу, свой дар, свой талант, свою определенность.

Но как договориться с микробом? «Переговоры» приходится вести и с нечеловеческими сущностями. На это у науки есть лаборатории, с полным арсеналом подручных помощников, инструментов. Когда Луи Пастер, занимавшийся микробиологией, решил разобраться с источниками и вопросами лечения некоторых инфекционных заболеваний, у него не было возможности «спросить» у возбудителей болезней, какова их природа. Изучение куриной холеры связано со случайной находкой: Пастер забыл на время отпуска культуру с микробами, и она высохла. Это можно было рассматривать как неудачу, но Пастер решил ввести высушенные бациллы цыплятам, в результате чего цыплята переболели в легкой форме, а впоследствии, при реальном, живом заражении, вообще стали невосприимчивы к болезни. Пастер сделал вывод, что ослабленные микробы предохраняют птиц от смерти, поскольку на фоне вакцины вырабатываются специфические защитные свойства у организма. Произошла коммуникация разных биологических

систем (бацилл холеры и цыплят), человека, который понял/расшифровал «письмена природы» и инструментов/приборов, которые участвовали в производстве, ведении и анализе болезни. «Мы больше не можем считать коммуникацию исключительно человеческим общением. Коммуникативное действие – действие, в котором различные сущности, человеческие и нечеловеческие, трансформируют жизненный мир» [9, с. 160]. Впоследствии Луи Пастер нашел вакцину от сибирской язвы и от бешенства. Он не проверял свои вакцины на людях и отважился на это только тогда, когда ему привели 9-летнего мальчика, которого укусила бешеная собака. У мальчика не было шансов выжить самостоятельно, Пастер ввел ему вакцину, и ребенок выжил. Вакцина спасла мальчика, что свидетельствовало о том, что ученый прав. Это типичный случай «разговора» с нечеловеческими сущностями. «Не-люди могут быть такими же активными, как и люди, они так же могут участвовать в производстве консенсуса, поэтому загонять их в четко ограниченную секцию целеориентированных действий, где они всегда играют роль лишь послушного средства, в корне неверно» [9, с. 155]. Получается, что в научной практике происходит сцепление природного, социального, технического одновременно, и поставить в иерархическое положение или в историческую, временную последовательность этих взаимодействующих агентов/акторов не представляется возможным. Конечно, мы можем до предела рационализировать процесс, представить его в логических или исторических взаимосвязях, но фокус остается в том, что путь, который ретроспективно нам кажется понятным и во многом даже логичным, в процессе его прохождения такими свойствами не обладает. Ученый движется в ситуации неопределенности, во многом опираясь на недостоверное знание и догадки, используя инструменты, которые усовершенствуются прямо в научном поиске. Инструменты и приборы так же подвержены трансформации в ходе экспериментов, как и объекты экспериментов, а также люди, с их знаниями и умениями. Например, тот же Луи Пастер, решая вопрос о происхождении жизни, пользовался в своих опытах колбой с длинным изогнутым «носиком». Такая посуда была принципиально важной, поскольку не позволяла микробам проникать в колбу извне, то есть заражать. Пастер пользуется этим инструментом/колбой в разрешении проблемы происхождения жизни. Дело в том, что в середине XIX века господствовала идея самозарождения жизни. Пастер, нагревая питательные культуры, содержащие микроорганизмы, до 50–60 градусов, обнаружил, что при таких температурах бактерии погибают, в то время как вкусовые и полезные свойства продуктов сохраняются. Если такую питательную смесь поместить в колбу с изогнутым носиком, довести до 60 градусов и оставить, в ней не «зародится» самопроизвольно жизнь, как считалось. Колба сохраняет свое содержимое, оно может высохнуть, но микроорганизмы в нем не появятся. Другое дело, если носик у колбы отломить или смочить водой – это сразу дает доступ бактериям извне, и они начинают быстро размножаться. Проверка гипотезы на разном оборудовании является необходимой, поскольку дает определенность в решении вопроса. Прибор напрямую влияет на исследование проблемы, поэтому его также можно рассматривать как актор, от которого зависит исход эксперимента, а следовательно, решение вопроса. Главное в этих связях то, что акторы взаимодействуют между собой, т. е. находятся в реальной практической зависимости. Поэтому выживает в науке не сильнейший, а тот, у кого крепче и надежнее связь с другими акторами. «Сам по себе актор всегда слаб, силу дают лишь союзники... Если одинокий мечтатель время от времени побеждает брокера научных сил, то не благодаря доступу к самой истине, а через сборку неодушевленных союзников вроде молекул и газов, которые в конечном счете высказываются значительно громче, чем силовые тактики союзов человеческих сил» [11, с. 22].

И еще одна из целей технической науки – создать «неизменяемую мобильность». Например, вакцина должна быть переносимой и предсказуемой по действию, вакцина предназначена для трансформирования организмов, в которые она будет введена по заранее установленному плану с обеспеченным результатом. Иначе в этой вакцине смысла нет. Наука стремится создать новый, предсказуемый мир, это мир, который похож на машину, машину-автомат.

Удивительно, что концепт причины, или закона природы, начинает действовать только на определенной территории, в определенной ситуации. Наука же действует в ситуации незафиксированности. Живая наука встроена в реальный мир, и это мир неразличимости и взаимопереходов. Эта зона близка Зоне Сталкера. В Зоне никогда нельзя вернуться назад, в ту же точку, или же пройти путь заново. Только надо понимать, что зона эта – реальна, она вот тут, мы в ней сейчас находимся и являемся ее частью. Объекты, ученые, рынок и потребители, политические системы и традиционные ценности, а также их связи и влияния находятся в постоянной трансформации. Но особенность науки в том, чтобы выдать «искусственному» потребителю продукт, который будет управляться одной кнопкой. С этой точки зрения пользователю BMW X5 следовало бы предоставить инструкцию. «Дорогой друг, если ты смог приобрести себе новый BMW X5, очень просим тебя не лезть со своими непрофессиональными мозгами в этот совершенный механизм! Максимум, что тебе позволено сделать, – залить воду с Fairy в бачок стеклоомывателя. Но мы же знаем, что ты грамотный потребитель, и будешь пользоваться только брендовыми жидкостями». Можно поздравить человека: «Обезьяны почти никогда не используют объекты в своих взаимодействиях. Для людей почти невозможно найти взаимодействие, которое бы не требовало обращения к технике» [10, с. 191].

* * *

К научной сказке много вопросов. Например, непонятно, где берут энергию акторы для того, чтобы вступать во взаимодействие. Научные онтологии рассматриваются как плоские не только потому, что сущности, которыми они организованы, находятся в равных позициях, но еще и потому, что скрыта реальная глубина этих сущностей, она как бы не учитывается, она редуцирована. Акторы имеют силу взаимодействовать, а специфика этой силы латентна. Плоские онтологии не ставят вопроса о ресурсе. Мир энергетически богат, и потому плоские онтологии формальны. Жиль Делёз не зря рассматривает человека как бесконечный ресурс желаний, желание является имманентным свойством человека, и потому избыточно ставить вопрос о его причине – оно есть, и всё. Желание можно использовать, им можно управлять. Конечно, восстановление истории науки с ее случайностной каталитической логикой во многом дает понимание того, как идет процесс научного поиска и внедрения новшества. Наука, так или иначе, стремится, при всей зыбкости ее исторического развития, встать на прочные основания, найти нешаткое, неизменяемое, то, что будет надежным. Это видно и из открытия законов природы, которые универсальны и неизменны, это видно и из предложений новых технических средств, которые позиционируются как надежные, безопасные и простые в управлении.

Мы понимаем, что развитие науки всегда многоаспектно, что оно предполагает сразу несколько направлений одновременно, но подлинным детерминантом в установлении истины стало появление технической вещи в мире.

Литература

1. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. – 2017. – № 2 (27). – С. 1–48.
2. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. – 2017. – № 3 (27). – С. 35–56.
3. Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. – 2013. – № 3. – С. 145–150.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосский. – М. : Директ-Медиа, 2002. – 1095 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7029>
5. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с. – доп. тираж 2015.
6. Латур Б. Берлинский ключ, или Как делать слова с помощью вещей // Логос. – 2017. – № 2 (27). – С. 157–170.
7. Одоевский В. Ф. Городок в табакерке. – М. : Эксмо, 2014. – 48 с.
8. Платон Афинский. Федр : диалоги. – М. : Директ-Медиа, 2004. – 106 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=30250>
9. Салин А. Как упаковать жизненный мир в черный ящик: инструкция по сборке // Логос. – 2018. – № 5 (28). – С. 137–168.
10. Социология вещей : сборник статей / ред. В. Вахштайн. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 392 с.
11. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латюра и Деланда // Логос. – 2017. – № 3 (27). – С. 1–34.

Elena Yuryevna Pogorelskaya,

Candidate of Philosophical sciences, associate prof. at Tourism and Hospitality chair, Faculty of Social Psychology, Liberal Art University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Leonid Sergeevich Chernov,

Candidate of Philosophical sciences, associate Prof. at Philosophy and Political Science chair, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ural Institute (Yekaterinburg)

Scientific Ontologies: The Fall of the Hierarchy

The article is devoted to a modern scientific methodology, according to which the ontological status of subjects, objects and conditions for their study is at the same level. The flat ontological model makes the empirical world an equal actant of a single life and epistemological space. The paper implements the primary criticism of the so-called "speculative realism". The authors analyze the close relationship between the scientific and the technical.

Key words: science; scientific ontologies; “whole-parts”; actors; technical; nature of a thing.